

Pavel BUBELNIKOV “It feels like home”

Павел БУБЕЛЬНИКОВ «Ощущение родного дома»

Дмитрий Брагинский. Павел Аронович, расскажите, пожалуйста, как началась ваша «десятилетняя» жизнь.

Павел Бубельников. Она началась с пятилетнего возраста, когда после летнего отдыха, наверно, в Алуште, в 1950 году, мои родители сели на диван в нашей коммунальной квартире и сказали: «Итак, давайте решать, будем отдавать тебя в музыку или нет. Хочешь заниматься?» Я в то время мало что понимал и ответил: «Хочу». И тогда меня познакомили с Татьяной Борисовной Румшевич. Проверили слух, и Татьяна Борисовна сказала, что музыкального слуха нет, но все же взяла меня в дошкольную группу. Весь 1950 год я прозанимался ритмикой и всякими другими детскими предметами у Фаины Михайловны Марморштейн, жены Льва Ароновича Баренбойма, замечательного педагога по истории пианизма. В 1951 году был, видимо, какой-то экзамен (точно не помню), и первого сентября я начал здесь учиться и прошел все одиннадцать лет. Выпустился я в 1962 году.

Д. Б. И окончили как пианист?

П. Б. Да, как пианист.

Д. Б. Тогда расскажите о вашем фортепианном детстве и взрослении.

П. Б. Я неизменно учился у Татьяны Борисовны Румшевич, с подготовительной группы. Бывало по-разному: я был неусидчивым парнем, меня все время тянуло на свободу, но к старшим классам стало понятно, что так «не прокатит». Татьяна Борисовна относилась ко мне строго, следила за постановкой рук и вообще за моим развитием. Мой папа — тоже пианист, ученик П. А. Серебрякова — имел своеобразную постановку рук, и когда он прорабатывал со мной произведения перед приходом на фортепианный урок, то пальцы стояли прямо,

Interview with P. A. Bubelnikov, a conductor and People's Artist of Russia. Pavel Bubelnikov talks about his studies at the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, about his classmates and teachers, talks about how he became a conductor, and about his work at the Maly Operny Theater and at the “Looking Glass” Children's Musical Theatre.

Keywords: P. A. Bubelnikov, I. A. Musin, T. B. Rumshevitch, D. A. Rumshevitch, V. T. Spivakov, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, Maly Operny Theater, “Looking Glass” Children's Musical Theatre.

Интервью с дирижером, Народным артистом России П. А. Бубельниковым. Павел Аронович рассказывает о своей учебе в школе-десятилетке Ленинградской консерватории, об одноклассниках и учителях, о том, как стал дирижером, а также о работе в Малом оперном театре и театре «Зазеркалье».

Ключевые слова: П. А. Бубельников, И. А. Мусин, Т. Б. Румшевич, Д. А. Румшевич, В. Т. Спиваков, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Малый оперный театр, театр «Зазеркалье».

а Татьяна Борисовна ругалась и говорила: «Не занимайся с папой!» А мне очень нравилось заниматься с отцом, поскольку он всегда ставил передо мной художественные задачи, раскрывал потаенные смыслы той музыки, которую играешь — чтобы не было скучно. Он вырабатывал во мне изобретательность мышления, заставлял представлять себе живые образы.

Наш класс был очень сильный в фортепианном смысле (да и не только). Со мной учились такие пианисты, как Анетта Майзель, Любовь Рудова, Олег Барсов, Эдик Чивжель, и я не был в числе наиболее усидчивых. Они же все играли достаточно сложные программы. Помню, что у меня в десятом классе возникла проблема, когда Татьяна Борисовна дала на разучивание Тринадцатую сонату Бетховена и Вторую балладу Шопена. Я на них запнулся, они мне не давались. Соната почему-то тогда совсем не нравилась, а в Балладе у меня очень зажимались руки. Я довольно средне сдал экзамен за десятый класс, и Татьяна Борисовна сказала, что соперники у меня сильные, но есть шанс поступить в консерваторию. Этим меня, видимо, «пробило». Весь одиннадцатый класс я занимался очень серьезно, много играл. Предложенные мне произведения легли на мой вкус: я играл «Мефисто-вальс» в Большом зале филармонии, в Малом зале — «Наваждение» Прокофьева, потом были Первый концерт Шостаковича, Двадцать третий концерт Моцарта, органная fuga Баха — Годовского. Насыщенная программа. В итоге я поступил в консерваторию к Серебрякову с очень хорошими показателями и год прозанимался у него, точнее, по большей части, у его ассистента — Галины Владимировны Яковлевой (впоследствии Митчелл). Но тогда ее опыт и опыт Татьяны Борисовны имели между собой большую дистанцию. Впрочем, сразу после

первого курса меня забрали в армию. Тогда служили три года...

Д. Б. А где вы служили?

П. Б. Поначалу в Выборге, в минометном дивизионе (два месяца), а потом удалось перебраться в оркестр Военной академии тыла и транспорта, на Съездовской линии. Разобравшись с ситуацией, я понял, что уже довольно давно хочу быть дирижером...

Д. Б. Когда впервые появилось это желание?

П. Б. В день, когда я первый раз увидел своего отца за дирижерским пультом. Он вообще долгое время был в консерватории деканом вокального факультета. Прекрасно владел фортепиано, но когда у него заболела рука (уже в классе Серебрякова), он перешел на дирижерский факультет и окончил его у И. Э. Шермана. Вел спектакли в Оперной студии, дирижировал «Галькой» Монюшко, «Царской невестой» Римского-Корсакова, «Молодой гвардией» Мейтуса, «Свадьбой Фигаро» Моцарта... Меня эта стихия очень увлекала, а папа говорил мне: не надо тебе этим увлекаться, будь пианистом. Но я понял, что иного выхода у меня нет, и поступил после первого курса, перед самым уходом в армию, на дирижерский факультет к Илье Александровичу Мусину, зная, что этим у меня обеспечены тылы. Так бесславно закончилась моя фортепианная деятельность.

Д. Б. ...но зато славно началась дирижерская!

П. Б. ...и все же я немного скучаю и совестливо отношусь к инструменту, который я так, по ситуации, предал.

Д. Б. Вы, наверно, целый год готовились к поступлению на «дирсимф», ведь это не так-то просто.

П. Б. Папа показывал меня Мусину, когда я еще учился в школе-десятилетке, и он определил, что у меня есть показания этим заниматься. Потом я выучил то, что нужно было показать на экзамене: помню, что дирижировал под оркестр «Прелюды» Листа.

Д. Б. Давайте снова вернемся к школьным годам. Вы говорили об одноклассниках-пианистах. А помните ли вы кого-нибудь из других специальностей?

П. Б. Наш класс впоследствии дал восемь дирижеров. Это Марис Янсонс, Володя Спиваков, Юрий Кочнев, Эдвард Чивжель, Володя Тагиев (к сожалению, рано ушедший, в двадцать с чем-то лет), я получаюсь шестым, седьмого надо вспоминать, а восьмой стала совершенно недавно замечательная скрипачка Римма Сушанская. Спиваков немногим ранее десятого класса перешел в московскую Центральную музыкальную школу, но я все равно называю его среди «наших», мы даже сидели с ним за одной партой. Тринадцать лет назад, когда нам исполнялось по шестьдесят, мне звонят со студии «ОРТ» и говорят: не хотите ли вы принять участие в передаче «Герой возвращается в детство»? Я с иронией спросил: а герой — это я? Они: нет, это Владимир Спиваков. Тогда я согласился. Приехал и Марис Янсонс, и мы все вместе поднимались на третий, на четвертый этаж школы, ходили по кабинетам, зашли в кабинет физики (дети там встали и приветствовали нас)... А еще другим нашим одноклассником был знаменитый Соломон Волков.

П. Бубельников в 8 лет

Д. Б. Кто из преподавателей, кроме Т. Б. Румшевич, оставил след в ваших воспоминаниях? Кто оказывал на вас влияние?

П. Б. Понимаете, они все были яркими людьми, все влияли — например, Александра Яковлевна Жуковская, Мария Иосифовна Меклер, Любовь Михайловна Певзнер, Лия Ильинична Зелихман. Им до всех нас было дело, они не замыкались на своих учениках. Очень хорошо их помню — и внешность, и голос, и то, что класс Александры Яковлевны всегда был прокурен, потому что раньше разрешалось курить в классе и даже в коридоре. Очень хорошо помню Дмитрия Андреевича Румшевича...

Д. Б. Вы у него тоже занимались?

П. Б. Не совсем. Я, интересуясь дирижированием, посещал с девятого по одиннадцатый класс оркестровые занятия. Чтобы просто не сидеть, иногда играл на ударных — бывало, что там не всегда находился литаврист. Я участвовал в первом исполнении в десятилетке моим другом и старшим коллегой, Шуриком Кнайфелем, Первого виолончельного концерта Шостаковича. Сейчас Кнайфель знаменитый композитор, а тогда был учеником одиннадцатого класса. Я играл на литаврах и на челесте. Потом Румшевич стал разучивать симфоническую поэму Алексея Муравлева «Азов-гора», и я ходил на все репетиции. Однажды Дмитрий Андреевич задержался (вроде, пошел в училище за литавровыми палочками), а я воспользовался тем, что его нет, встал за пульт и начал водить руками. Ребята проявили интерес, потихонечку подсели. Когда увертюра стала рождаться уже под моими руками, я обернулся и увидел, что Румшевич сидит в зале. Я был готов сойти с пульта, а он

Вручение аттестата об окончании школы. 1962 год

мне тихо сказал: «Давай, давай дальше». Я додирижировал увертюру до конца, это было мое первое в жизни дирижирование.

Однажды, когда я уже работал в Малом оперном театре, Дмитрий Андреевич подошел ко мне и спросил, может ли он указать на этот случай в своей книжке — что у него дирижировали я и Юра Симонов, на что я с радостью ответил: «Конечно, да!»

Д. Б. И еще Василий Серафимович Синайский? В беседе он упоминал, что занимался у Д. А. Румшевича, и тот ему позволял дирижировать оркестром.

П. Б. Синайский нас моложе, да, значит, и он тоже. Симонов, напротив, нас всех старше.

Д. Б. А у кого вы изучали музыкально-теоретические дисциплины?

П. Б. В старших классах я занимался у Музы Вениаминовны Шапиро. Кроме того, что она меня учила, она еще дружила с моей мамой, а ее сын Шурик (Александр) Кнайфель был моим большим другом. Мы росли вместе с двух-трехлетнего возраста. Поэтому когда я приходил в класс, то «тетя Муза» звучало довольно провокационно, нужно было — Муза Вениаминовна, а я специально ее немножко дразнил. Она всегда говорила мне: «Павлик, ты тугодум», поскольку, решая всякие задачки, я не проявлял особой шустрости.

Гармонию у нас вел Сергей Яковлевич Вольфензон, который мне говорил: «Возьми тряпку и вытри бас», когда я на доске делал какие-нибудь ошибки и бас уходил не в ту сторону. Из более ранних педагогов — Фаина Михайловна Мarmorштейн, по музыкальной литературе — конечно же, Рашель Арнольдовна Вургафт (Козлова).

Д. Б. Может быть, в память врезались какие-нибудь концерты времен десятилетки, в том числе и с вашим участием?

П. Б. Помню, как однажды на учебном концерте я вышел, начал играть и остановился. Началась боязнь клавиатуры, некий ступор. Я долго не мог с ним справиться и отчасти поэтому, наверно, ушел в другую область. Любопытная вещь: вот я сыграл на экзамене Первый концерт Шостаковича. Все было прекрасно, аккомпанировала Татьяна Борисовна в нашем Большом зале. А когда надо было играть тот же концерт в дирижерском классе, я сел, и какое-то волнение мне мешало, я никак не мог себя пересилить и решил, что с такими нервами надо быть осторожнее, не показывать свои слабые стороны.

Д. Б. И в итоге вы добились больших результатов в дирижировании. Поступив в класс И. А. Мусина, вы оканчивали консерваторию у него?

П. Б. Да, после армии я восстановился в 1966 году на втором курсе и окончил в 1970-м. С 1968 года профессор нашей кафедры Эдуард Петрович Грикуров (он в то время был главным дирижером Малого оперного театра) пригласил меня ассистентом на постановку балета «Антоний и Клеопатра» Эдуарда Лазарева. Я тогда впервые пришел в этот театр и поселился в нем на двадцать пять лет, отработав там до 1993 года. Одновременно мы с Александром Петровым в 1987 году организовали театр «Зазеркалье», и когда зашел вопрос о статусе, и я должен был занять пост главного дирижера, это уже не позволяло мне оставаться в Малом оперном.

Теперь уже в «Зазеркалье» пошел тридцать второй сезон. Вначале мы — два художественных руководи-

теля — набрали по четырнадцать оркестрантов и артистов, парочку концертмейстеров, одного директора — и получился театр. Сейчас у нас огромный коллектив. В нашем театре часто выступают ученики «десятилетки», например, пианисты класса Любви Рудовой. Так, каждый год у нас играет Елизавета Украинская, ныне уже студентка четвертого курса Петербургской консерватории. В прошлом году мы с ней играли Второй концерт Брамса. Я очень рад, что детям наша сцена дает опыт и практику.

Д. Б. А вы, когда сами еще были ребенком, сильно шалили?

П. Б. У нас была очень строгая завуч, Елизавета Мартыновна Саркисян. Она кричала на детей нечеловечески страшным голосом, но при этом оставалась безумно доброй женщиной. Мы потом выяснили, что у нее на сердце была большая травма, огромные потери близких во время войны. Она очень любила детей, но приходилось их строить, и страшно было услышать ее «Бубельников! Мальчик!» Помню, у нас была девочка, которая вела себя не совсем по-товарищески, хотя ее мама считала свою дочь первой ученицей в школе. Она снималась в кино и, в общем, была посредственной пианисткой, но красивой девочкой. И вот однажды на уроке я ей романтически пригрозил в записке, нарисовав сабли, череп и кости, что, мол, если ты будешь так дальше себя вести, то тебя ожидает плохая судьба. Положил записку ей в пенал. Она меня каким-то образом вычислила, и, когда мы однажды играли перед школой, я случайно (или даже не я, а Эдик Чивжель, точно не помню) битой пробил ей голову. Все посчитали, что это была та самая месть, которой я ей пригрозил. Приходил следователь, мне грозили чуть ли не тюрьмой, я плакал, Елизавета Мартыновна меня просто изничтожила в своем кабинете, который находился в дальней комнате на третьем этаже (если не ошибаюсь, на месте нынешнего Малого зала или рядом с ним).

Кроме этого случая, происходило много всего. Мы бегали по крышам, лазили по подвалам, срывали уроки. Паиньками мы не были, наоборот, считали хулиганство большим достоинством. Дружили то ли с параллельным классом, то ли с классом ниже, договаривались, что когда у них нет занятий и им нечего делать, они нам срывают урок, а когда у нас нет, то мы срываем им. Спиваков однажды выяснил, что если сжечь таблетки пенициллина, возникает жуткий запах, который практически не выветривается. Он принес эти таблетки и сжег в классе, сорвал урок, конечно же. Но на него кто-то донес, и ему потом сильно досталось от его папы, который был очень строг. Нас со Спиваковым вечно сажали на первую парту, чтобы мы не безобразничали.

Д. Б. А где вы жили в школьное время?

П. Б. Около шестнадцати лет мы жили в коммуналке на Девятой Красноармейской улице, а потом родители получили какую-то затрапезную трехкомнатную квартиру на площади Тургенева. Место хорошее,

Выпускной вечер. Стоят: П. Бубельников, Э. Чивжель. Сидят: Т. Б. Румшевич, А. Кривошеина. 1962 год

но квартира была ужасающая. Там когда-то жил профессор Евгений Григорьевич Ольховский, вокалист, сотрудничавший с папой на факультете: папа был деканом, а Ольховский — заведующим кафедрой сольного пения. Затем он получил другую квартиру от консерватории, а папа — эту. Одна комната была очень большая — двадцать четыре метра, две другие — маленькие, шесть и восемь метров. Еще чудовищная лестница в доме. Когда мой папа заболел облитерирующим атеросклерозом, то он не мог подниматься по этой лестнице. Когда-то в этот дом попала бомба, и профессор Ольховский, чтобы получить квартиру, сам таскал сюда ступени к лестнице и сам их выкладывал. Следующая квартира, которую получил мой отец, была на улице Декабристов, и последние два года до смерти он прожил здесь. Умер папа в семьдесят семь лет. Я потихонечку приближаюсь к этому возрасту.

Школа всегда вызывала у меня ощущение родного дома. Кстати, раньше там, где сейчас внизу находится гардероб, был проход в училище, в котором преподавателем теории музыки и гармонии работала моя мама, Татьяна Френкель. Также в училище можно было пройти через фойе Большого зала, и я всегда имел возможность бегать к своей маме, брать у нее тридцать копеек на буфет. Школа была продолжением дома, наверное, поэтому еще я так ее любил.

С П. А. Бубельниковым беседовал
Д. Ю. Брагинский